

В. В. СТРОГАНОВ

Первое знакомство и моя работа у Павлова

Первое знакомство и первый разговор мой с Иваном Петровичем произошел летом 1908 г. у него на даче в Силламягах, где он любил отдыхать в летние каникулы и куда однажды захватил меня с собой мой отец, знавший лично, глубоко уважавший Ивана Петровича и периодически встречавшийся с ним.

Лето в Эстонии было в самом разгаре, когда мы с отцом приехали на велосипедах из Меррикюля на дачу к Ивану Петровичу. Иван Петрович был занят физической работой по уходу за садом, в этот день он заменял старый запыленный песок с дорожек сада новым песком с прибрежной морской полосы. По-видимому, это с первого взгляда малопродуктивное и весьма трудоемкое занятие входило как одно из звеньев в задуманный и осуществляемый им план по содержанию сада. Меня поразила, с одной стороны, видимая малая эффективность выполняемой им работы (таскание песка в ведрах снизу вверх, с берега моря на высокий берег, было тяжелой задачей, требовавшей значительного физического напряжения), а с другой стороны, исключительная жизнерадостность и бодрость исполнителя самой работы. Физическое напряжение, видимо, доставляло Ивану Петровичу истинное наслаждение.

Я не помню сейчас ни слов, ни выражений Ивана Петровича в последовавшем позднее разговоре, но содержание его заставило меня в конце концов изменить намечавшееся мною решение в вопросе выбора специальности. Дело в том, что я интересовался философией и был склонен поступить на историко-философский факультет. Смысл кратких высказываний Ивана Петровича в связи с моими планами заключался в том, что для подлинного понимания философских вопросов следует овладеть совокупностью естественнонаучных дисциплин, т. е. знанием законов природы в целом и человека в частности. «Только через познание

природы в целом, живой природы и человека в частности, можно подойти к правильному пониманию и развитию широких философских обобщений. Чтобы познать сложнейшее, нужно уметь разбираться в простейшем». Все это говорилось в виде кратких реплик, без всякой настойчивости, в порядке обсуждения.

Слова Ивана Петровича, видимо, не только дошли до моего сознания, но и стали руководством к действию.

К весне 1916 г. рекомендованные когда-то Иваном Петровичем ступени высшего образования были мною закончены. Однако последовавшие исторические события, переживавшиеся нашей родиной, отсрочили желанную возможность непосредственно работать под руководством Ивана Петровича по проблеме высшей нервной деятельности.

Только в конце 1920 г. я получил возможность обратиться к Ивану Петровичу и сообщить ему о своем горячем желании и возможности приступить к научной работе под его руководством.

В марте 1921 г. для меня наконец наступил новый период, период исследовательской экспериментальной работы под непосредственным руководством Ивана Петровича в его небольшой физиологической лаборатории, помещавшейся в главном здании Академии наук.

Петроград подымался в то время к новой жизни после годов военной разрухи. Декрет Ленина об оказании помощи и особого внимания лабораториям Ивана Петровича облегчил быстрое восстановление в них исследовательской работы.

С той же весны установился и общий режим работы немногочисленных сотрудников лаборатории Академии наук (их было всего четверо: В. В. Савич, Г. П. Зеленый, Н. А. Подкопаев и я), а также и дни посещений лаборатории самим Иваном Петровичем. Дважды в неделю (по средам и пятницам) с пунктуальной точностью ровно в 10 час. утра раздавался сильный звонок у входной двери и появлялся Иван Петрович. В течение 2—3 последующих лет он обычно садился у моего стола и, наблюдая за ходом эксперимента, начинал рассказывать нам о произведенных за истекшие дни в других лабораториях опытах и исследованиях.

Именно к этому времени относятся его первые обобщения о законах индукции в коре больших полушарий головного мозга, выявленные в опытах Д. С. Фурсикова в лаборатории Института экспериментальной медицины и одновременно на моих подопытных животных в лаборатории Академии наук.

Иногда он отвлекался от прямой темы, иногда в связи с ходом той или иной работы переходил к воспоминаниям о прошлом, об отдельных фактах, которые остались им не забытыми, или давал яркие характеристики окружавшим его ранее людям и т. д. Несколько раз он останавливался на характеристике своего первого учителя — физиолога проф. И. Ф. Циона. Он вспоминал о том громадном впечатлении, которое в свое время оказало на него исключительное мастерство Циона как хирурга-вживисектора, который с неподражаемым изяществом, чуть не в белых перчатках и во фраке мог проделать сложную операцию на животном и, не запятив своего костюма ни каплей крови, отправиться прямо из лаборатории на спектакль или бал. Это от него и под его руководством сам Иван Петрович получил вкус к хирургической технике, которой широко пользовался и постоянно развивал в последующие годы, создав, по существу, самостоятельную главу физиологии — физиологическую хирургию.

Бывали и такие дни, когда речь касалась общих вопросов мировоззрения. Иван Петрович с присущей ему страстностью защищал последовательно детерминистические позиции в науке и возмущался отсутствием научной обоснованности тех концепций, которые особенно ярко проявлялись в современной психологии. Он постоянно подчеркивал нам, что, только выяснив физиологические законы нервных процессов, происходящих в коре головного мозга, наука о психических явлениях получит подлинную основу для правильного толкования субъективных переживаний человека — его ощущений, представлений, его сознания.

Будучи последовательным материалистом, Иван Петрович неоднократно высказывал мысль о том, что существование религиозных представлений может быть в известной степени оправдано лишь для людей слабого типа, нуждающихся в существовании абсолютных и упрощенных представлений о нормах поведения.

Он проявлял осторожность в беседах по вопросам религии с людьми, мало ему известными. Иван Петрович вспоминал, как один из его старых семинарских товарищей (тоже врач по профессии) после потери любимой жены имел с ним разговор о душе и загробной жизни, а на следующий день после этого разговора был найден мертвым. Он отравился, потрясенный доводами И. П. Павлова об иллюзорности сказок о загробной жизни и т. д. «А я не учел его особого, ослабленного пережитым потрясением состояния нервной системы», — восклицал горестно Иван Петрович.

Бывали дни, когда беседа касалась и политических вопросов. Многие мероприятия советской власти были еще неясны для Ивана Петровича в начале 20-х гг.

Однако целый ряд начинаний нового правительства он приветствовал от души, к последним относились мероприятия советской власти по максимальному расширению и повышению культурного уровня народов нашей многонациональной родины, расширению школьной сети в городе и деревне, развитию среднего и высшего образования, наконец, национализация промышленности.

Многokrатно Иван Петрович останавливал наше внимание на необходимом условии, которому должен удовлетворять каждый, посвятивший себя подлинному научному исследованию. Это необходимое условие есть подвижность мысли. Всякий новый эксперимент должен быть целеустремленным, всякий вариант опыта должен подтвердить или отвергнуть то или иное ваше предположение, он должен быть освещен вашей творческой идеей, вашим обобщением, сделанным на основе ранее полученных фактов. Один удачный опыт не решает дела. Только многократное повторение его, только новые вариации могут подтвердить правильность вашего обобщения. «Для плодотворности научной мысли должно постоянно сомневаться и проверять себя» (Павловские среды. Т. 1. С. 286).

В соответствии с вновь полученными фактами надо уметь своевременно заменять свое первоначальное предположение новым. «Наша задача заключается не только в том, чтобы наблюдать факты, но, конечно, непременно познавать действительный механизм, который лежит в основе каждого факта» (Там же. Т. 2. С. 105).

Именно исходя из этих соображений, Иван Петрович зачастую советовал вновь приступающим к работе по вопросам высшей нервной деятельности сперва детально ознакомиться и овладеть методикой исследования, посмотреть с головой, свободной от готовых толкований, на получаемые факты и только потом уже приступить к изучению имеющейся литературы. С первых же шагов он предупреждал каждого молодого исследователя об опасности рутины в научном мышлении, о необходимости безусловной точности в описании найденных фактов, о всемерной обоснованности каждого теоретического представления, каждого нового обобщения. Беседы по средам и пятницам в маленькой лаборатории Академии наук постепенно перерастают в знаменитые павловские «среды», часть которых начиная с 1929 г. была записана в виде протоколов и лишь небольшая часть в виде пол-

ных стенограмм (1933—1936). Они являются ярким документальным отражением творческой личности И. П. Павлова и самого процесса развития его замечательных идей за последние годы его жизни.

В одном из протоколов «сред» совершенно точно отображена самооценка им «подвижности» его собственных мыслей.

В «среде» от 7 октября 1931 г. (Т. 1. С. 151) он говорил о том, что под влиянием накапливающихся фактов меняются постоянно и его представления («конечно, это так и должно быть — мыслящий человек должен быть рабом действительности и постоянно следовать за нею»), т. е. правильно, адекватно отображать, оценивать объективную реальность внешнего мира.

Тот же мотив звучит в словах Ивана Петровича 21 марта 1934 г.: «Значит, 60 лет как я при этом деле состою. За этот долгий срок я научился ошибаться без горечи... Это ведь только римский папа считает себя непогрешимым. Все дело, конечно, в проверке себя действительностью, все дело в покорности действительности...» (Там же. Т. 2. С. 298).

В другой раз он те же мысли формулировал еще более ярко: «Мне самому приходится переделываться. Я всю жизнь переделываюсь под влиянием действительности. Я был всегда против комбинации многих лекарственных веществ... Комбинация брома с кофеином заставляет меня пересмотреть свои позиции по данному вопросу. Ну, хорошо, переделаюсь, почему же нет?» (Там же. Т. 2. С. 354).

Изо дня в день происходила такая переделка его научных обобщений на основании новых наблюдений, фактов, экспериментов.

В то же время Иван Петрович во всей своей научной работе показывал пример последовательной и принципиальной линии в защите своих материалистических позиций. Он неустанно вскрывал и разоблачал идеалистические установки своих противников, как зарубежных, так отчасти и отечественных физиологов, а особенно представителей современной зарубежной психологии.

В этой страстной и острой борьбе со скрытым, завуалированным «ученой словесностью» и прямым идеализмом формировалось его общественное сознание, постепенно преодолевая первоначальный скептицизм в отношении новых дел, осуществлявшихся на его глазах эпохой Великой Октябрьской социалистической революции. Факты нашей общественно-политической действительности в конце концов полностью одержали победу в сознании гениального представителя современного естествозна-

ния. Так постепенно под непосредственным давлением фактов героической эпохи строительства нового общества произошла переделка общественно-политического сознания самого Ивана Петровича, превратившая его в последние годы жизни в подлинного и беззаветного патриота своего первого в мире социалистического отечества.

<1965>

